"Дамблдор." Сириус сказал просто, в его тоне не было обычной яркости.

"Сириус", - вежливо кивнул Дамблдор, и двое мужчин оказались рядом с кухней.

"Гарри сказал, что вы хотите поговорить с ним?" спросил Сириус.

"Да. У меня есть некоторые проблемы, о которых я хотел бы с ним поговорить".

"И эти опасения таковы", - Сириус поднял бровь, в его тоне сквозило недоверие.

Дамблдор вздохнул из-за почти враждебного отношения со стороны младшего.

"О том, не привели ли ошибки, которые я совершил, к тому, что он возненавидел меня".

"Значит, вы признаете, что облажались?"

"Я бы не стал использовать эти слова, но да, я признаю, что совершил ужасную ошибку, отрезав его от близких ему людей и пытаясь помешать вам учить его". сказал Дамблдор, его тон был извиняющимся.

Сириус несколько мгновений молчал, обдумывая признание Дамблдора. После нескольких минут молчания Сириус кивнул.

"Я все еще недоволен, но я прощу это, если Гарри сделает это".

"Надеюсь, что простит". сказал про себя Дамблдор.

"Он в комнате Регулуса", - Сириус жестом указал в сторону второго этажа, - "Вторая комната справа".

"Спасибо." Дамблдор кивнул, направляясь к лестнице.

Следующие 20 секунд показались ему вечностью, события этого дня тяжело давили на него.

Он знал о вероятном изменении времени - довольно ювенильная и предсказуемая тактика. Он планировал сделать свой торжественный вход как раз в тот момент, когда будут объявлены имена присутствующих, но одно слово разрушило его идеально продуманные мысли и щиты Окклюменции.

"Альбус".

Он проходил мимо зала, который вел к главному входу в Отдел тайн.

Он знал кое-что о том, чем занимаются Невыразимцы. Ему было известно, что над Вуалью смерти проводились эксперименты, и что эта Вуаль определенно была прямым порталом в загробный мир.

С тех пор как он взял Бузинный жезл, он никогда не возвращался к изучению Вуали, как того хотели глава Невыразимых Кроакер и его предшественник: Вуаль казалась ему откровенно враждебной, а Бузинный жезл словно пытался укусить его, когда находился рядом.

Но когда он проходил мимо коридора, он услышал не только свое имя, но и голос, которым оно было произнесено.

Ариана.

Это был ее голос, но не ее голос, когда она была подростком на момент своей смерти, а голос, который был у нее, когда ей было около шести лет.

Шесть лет, время, когда она, казалось, сияла от счастья. Воспоминание о том, как она умоляла его поднять ее с помощью магии - Аберфорт завидовал тому, что Альбус мог использовать слабое заклинание левитации, чтобы поднять их младшую сестру, хотя это было практически все, что он мог сделать, не изнуряя себя.

Он помнил, как она кричала тем самым голосом - этот звук был одним из тех, что преследовали его всякий раз, когда рядом находились дементоры.

Он видел, как его младшая сестра корчится на земле, магия непроизвольно вырывается наружу, а она умоляет ее остановиться.

Целеустремленность в голосе его отца, когда он сказал матери не сообщать властям, а потом посмотрел на него и сказал "защищай семью", только для того, чтобы пойти и убить трех маглов, напавших на Ариану на той неделе.

Персиваль Дамблдор просто явился в Министерство и признался в убийстве трех маглов, сказав, что теперь на Земле будет меньше грязи.

Все эти воспоминания словно ударили его, когда он услышал, как сестра прошептала его имя, лишив его всего огня и сил, с которыми он шел на суд.

Он моргнул и наложил чары темпуса, и был совершенно шокирован, когда они показали, что он простоял на месте почти 15 минут, после чего бросился в зал суда, отчаянно пытаясь собрать воедино подобие равновесия в своих мыслях.

Он вошел туда как раз в тот момент, когда Гарри сделал то, о чем он беспокоился, объявив о своем положении наследника Дома Блэк.

С политической точки зрения, это был бы великолепный спектакль, достойный похвалы любого политика. Это вызвало раскол среди самой большой угрозы для Гарри и закрепило его как политического игрока, с которым нельзя было шутить.

Но он не стал бы отрицать, что в его сердце был страх, страх за Гарри и перед ним.

Гарри вёл себя не так, как все ожидали, он знал Окклюменцию, причём очень мощные щиты разума, и в его голосе был определённый шарм и уверенность, которых не было всего пару месяцев назад.

Что-то произошло.

Он сильно сомневался, что Гарри был прирожденным окклюментом, что он наблюдал всего три раза в своей жизни, причем Геллерт и Том Риддл были двумя из них.

Джинни Уизли была, по его мнению, четвертой. Он начал делать то, что считал крайне неприятным, и незаметно сканировал умы своих учеников во время нападений, произошедших всего за три года до этого.

То же самое он делал, когда Тайная комната была открыта в первый раз. Именно тогда он обнаружил, что юный Том Риддл, как и Геллерт, обладает чрезвычайно острыми щитами разума.

Разум Джинни Уизли в то время ощущался почти так же, как разум Тома, что навело его на мысль, что девушка была одной из редких, способных делать это без обучения.

Эта теория умерла огненной смертью, когда он проверил ее разум после уничтожения дневника.

У нее не было никаких щитов, а Окклюменция, которая, как он думал, принадлежала ей, была чем-то, что дневник временно вложил в нее, то, что он исследовал возможность этого летом того года.

Одержимость - это то, о чем было написано очень мало книг, в которых она рассматривалась, и это было в порядке вещей. Проецирование себя в другого человека было крайне опасно как для объекта, так и для заклинателя.

Но для крестража все эти минусы были бы нипочём.

И у юной мисс Уизли, и у Гарри не хватало щитов Окклюменции, но у Гарри теперь были щиты разума, развитые до такой степени, что даже при целеустремлённом желании научиться этому потребовалось бы несколько лет развития.

Он знал, что что-то не так, и ему было холодно думать о наиболее вероятной теории.

После первого задания против дракона Гарри не выказал ни злобы, ни гнева на молодого Рональда Уизли. Напротив, он был удивлен, что Гарри так быстро простил его, особенно если учесть, что мисс Грейнджер сразу поверила ему.

Но гнев, который Гарри испытывал по отношению к своим друзьям и к нему, был чем-то новым.

Он бы отмахнулся от него как от оправданного гнева, если бы не умение владеть Окклюменцией, острота его слов и способность придумать план, как добиться суда над Сириусом.

Оглядываясь назад, можно сказать, что устроить Сириусу суд было бы хорошим способом свалить неприятности на плечи последователей Волдеморта, но это было упущение, которое дорого ему обошлось.

На Гарри напали дементоры, и больше всего Дамблдор боялся, что это не тот Гарри, с которым он разговаривал и которого видел на суде.

Дементоры высасывают душу, но что происходит, когда в тело вселяется более одной души?

Второй Волдеморт с аналогичным уровнем силы означал бы конец Волшебной Британии. И Дамблдор не знал, хватит ли у него сил сделать то, что должно быть сделано.

"Альбус". Он почти слышал ее голос. Ему показалось, что он почувствовал, как холодные пальцы легли ему на плечи, а палочка, крепко зажатая в руке, казалось, замерла в его хватке.

Он отчаянно стремился не быть своим отцом, не быть убийцей.

"Защити семью".

Он не был достаточно силен, чтобы защитить свою мать или Ариану. Он не был достаточно силен, чтобы обуздать более экстремальные взгляды Геллерта, и не был достаточно силен духом, чтобы сказать "нет" кровавому договору, который они заключили. Его недостаток конституции стал причиной смерти его сестры, смерти любой семейной любви с его братом и потери Геллерта в войне, которая была развязана в стремлении к лучшему миру.

Но стоило ли оно того? Лучший мир" так и не стал реальностью. Миллионы смертей, гибель почти 1/5 магических существ в Центральной и Западной Европе, растущая ненависть к магглорожденным и полукровкам со стороны многих из Внутреннего круга Геллерта, тех, кто стремился свергнуть существовавшие веками Лордства. Даже если бы он победил, стоило ли это того?

Даже если бы он не был ответственен за это, он все равно чувствовал себя ответственным.

Прежде чем подойти к двери и открыть ее, он без слов вознес молитву тому, кто его слышит.

Какими бы ни были боги, пожалуйста, позвольте мне ошибиться. А если случится худшее, даруйте мне прощение.

Он не знал, хватит ли у него сил, если Гарри будет мертв, а крестраж будет использовать его имя и тело, как больную марионетку, и надеялся, что ошибается в своих опасениях.

Рука Дамблдора потянулась к дверной ручке и повернула её, чтобы войти в комнату.

Он увидел Гарри на краю кровати, выражение его лица было спокойным, прежде чем он увидел, кто там находится, затем его лицо изменилось на более скучающее.

"Профессор." сказал Гарри.

"Гарри." Он кивнул, его Окклюменция была полностью на месте.

"Извините, что здесь нет стульев", - пожал плечами Гарри, - "они мне не очень нужны".

Дамблдор только пожал плечами и вытащил свою палочку, наколдовав плюшевое кресло перед кроватью.

Легкое напряжение в позе Гарри, когда он достал палочку, не осталось незамеченным.

Дамблдор засунул палочку обратно в карман, палочка прилипла к ткани кармана.

Затем он уселся в кресло и посмотрел на Гарри пронзительным взглядом.

"О чем мы хотим поговорить?" спросил Гарри, возвращая взгляд, которым Дамблдор смотрел на него.

"Я хочу извиниться за то, что произошло этим летом, - начал Дамблдор, не отводя взгляда, - я должен был понять, что, будучи изолированным от своих друзей, ты мог додуматься до смерти

мистера Диггори. Моим намерением было избавить вас от знания того, что "Ежедневный пророк" говорил о нас с вами, когда вы только что пережили ужасный год. Теперь я понимаю, что это был ужасный выбор с моей стороны". Он закончил, глядя на любые изменения в выражении лица Гарри.

Гарри выдержал его взгляд, затем расслабился и посмотрел на него менее враждебно.

"Мне было интересно, почему ты это сделал", - тихо сказал он, а затем нахмурился: "Я все еще не рад этому, и мне потребуется время, чтобы перестать расстраиваться из-за тебя, но я вижу, что ты сделал это не для того, чтобы причинить мне боль".

Дамблдор был доволен тем, как продвигается разговор.

"Я также заметил, что ты вел себя по-другому, Гарри. Я беспокоюсь о том, что стало причиной этого".

Гарри глубоко вдохнул и выдохнул, бросив на Дамблдора покорный взгляд.

"Этим летом я кое-что обдумал, - объяснил он, его голос был ясным и ровным, - мне везло во всем, что происходило: камень, палата, турнир и кладбище. Единственный раз, когда я решил все исправить сам, это когда я выучил Патронуса. Я больше не могу позволить себе быть слабым".

Может ли это быть причиной? подумал Дамблдор.

Возможно, шок от того, что было поставлено на карту, особенно когда Гарри увидел это, а не получил ответ, что произойдет, побудил его взять на себя более активную роль в магическом образовании, но он все еще не мог быть уверен.

"Тебе не нужно учиться убивать, Гарри. Заклинания, используемые семьей Блэк, достаточно смертоносны".

Гарри бросил на него раздраженный взгляд.

"Волдеморт и его банда недоносков попытаются убить меня и моих друзей", - сказал он ледяным тоном, его глаза, казалось, приобрели более острый взгляд, - "Если я не буду достаточно силен, они будут отобраны у меня, как и все остальное".

То, что Дамблдор сделал со своими очками, он частично сделал и с протезом глаз Аластора. Его очки, хотя и не дотягивали до сложной природы глаза, были способны улавливать магические очертания, делая все, кроме самых лучших чар Дезиллюминации, видимыми для него в виде туманного силуэта. Но даже дешевые плащи-невидимки были для него невидимы.

Он мог видеть, как магия Гарри слегка пенилась, выглядя гораздо более выраженной, чем до лета.

Но она выглядела контролируемой, подобно тому, как окклюмены пытаются держать свою магию под контролем, если она очень сильна, а они в это время эмоциональны.

У него самого и Геллерта была привычка делать это.

Для того чтобы это произошло, необходимо, чтобы привязки были нарушены. мрачно подумал Дамблдор, его рука метнулась к карману.

Всё больше и больше вещей указывало на то, чего он боялся, теперь ему нужно было проверить ещё одну вещь, последнюю вещь, чтобы увидеть, что скажет Гарри, или он ударит его самым сильным зондом Легилименции, какой только мог, чтобы узнать правду.

"Что-то ужасное произошло, когда напали дементоры, не так ли?" спросил он, заметив, как напрягся Гарри.

Его рука потянулась к карману, и ощущение того, что деревянная палочка касается его ладони, послужило гарантией того, что может произойти.

Я больше не подведу. Он твердо решил, чувствуя, как его магия набирает остроту и жаждет применения.

"Я говорю с Гарри или Томом?" - просто спросил он, сжимая в руке Старшую палочку.

Вот черт.

Гарри подумал про себя, что он считает меня крестражем. Разговор, как он сначала думал, будет касаться его беспокойства по поводу его поведения, на что он уже планировал ответить, сказав то, что сказал Сириусу, что он видел, как его превзошли, и сделал выбор работать усерднее и быть достаточно опытным, чтобы защитить своих друзей.

Дамблдор, будучи параноидальным интеллектуалом, каким он и был, полностью разрушил этот план.

Гарри, пойдя на поводу у эмоций, которые стали ему очень хорошо знакомы за последнюю неделю, посмотрел на Дамблдора с чистой ненавистью.

"Как вы смеете?" тихо сказал он, его осанка заметно дрожала.

Он увидел, как Дамблдор напрягся, словно готовый нанести удар.

"Неужели вы так мало верите в меня, что не думаете, что то, что мне удалось сделать, может быть результатом моего собственного совершенствования?"

Дамблдор, казалось, слегка расслабился, но Гарри не собирался рисковать.

"Я не спал до поздней ночи, читал книги по праву и дневник Арктура Блэка, пытаясь сделать все возможное, чтобы освободить самого близкого мне человека, похожего на дядю или отца", - его голос начал терять злость, которую он держал в себе, его магия начала успокаиваться.

"Со мной кое-что случилось", - тихо прошептал он, отворачиваясь от Дамблдора, - "Дементор поцеловал меня".

Он услышал, как Дамблдор громко вздохнул, вероятно, опасаясь, что такое произошло.

"Но вместо этого я услышал крики, как будто что-то умирало, и почувствовал, как что-то вытащили отсюда", - он сделал жест в сторону своего лба.

Глаза Дамблдора расширились, когда он понял, что шрам сильно потускнел, почти до такой степени, что выглядел как обычный шрам, а не шрам от проклятия.

"И я боюсь того, что со мной происходит". Гарри начал снова, снова привлекая внимание Дамблдора: "Я заставил свой будильник взорваться, когда разозлился на него, и моя кожа продолжает чувствовать себя так, будто меня постоянно что-то шокирует, и она чешется".

Все, что он сказал, было тем, что происходит с магически сильными волшебниками, у которых магическая сила заметно выше среднего. Не последнюю роль в этом сыграла и магия, которая сильнее реагировала на его эмоции.

"В книге по Окклюменции и Сириус что-то говорили о том, как это происходит с магически сильными людьми", - тихо сказал Гарри, - "Там говорилось, что магические вспышки могут быть опасны, если их не контролировать, и что Окклюменция может помочь".

Ему нужно было, чтобы Дамблдор подумал, что его мотивом был страх случайно причинить кому-то боль, чтобы рассеять подозрения этого человека.

Дамблдор, казалось, не смотрел ему в глаза, вместо этого он смотрел на свой поблекший шрам.

"Гарри, - Дамблдор прочистил горло, его левая рука, казалось, слегка дрожала, - у тебя есть боль от шрама? Какие-нибудь странные сны? Какие-нибудь проблемы, связанные с ним?"

Гарри сделал вид, что задумался на несколько секунд, прежде чем ответить.

"Нет, профессор, не было. С момента нападения дементоров".

Дамблдор вздохнул и заметно расслабился, как будто с его плеч сняли груз.

"Вы знаете, что я сделал на суде?" - спросил он, имея в виду зонд Легилименции.

Гарри посмотрел на него так, словно не знал.

"Я не уверен, профессор, это была Легилименция?" спросил Гарри, уже имея представление о том, что это такое, поскольку Сириус упоминал об этом.

Дамблдор мягко улыбнулся и кивнул.

"Да, это так. Я прошу прощения за попытку заглянуть в ваш разум. Боюсь, я позволил себе беспокоиться о том, не пытался ли Том повлиять на вас".

"Как он мог повлиять на меня, профессор?" спросил Гарри, изображая невежду.

Дамблдор изложил ему теорию Волдеморта о том, что у него была ментальная связь с ним после Убийственного проклятия, избегая упоминания о крестраже. Он также сказал, что Гарри мог стать уязвимым после атаки дементоров.

"Значит, то, что дементор поцеловал меня, оказалось к лучшему?" спросил Гарри, звуча скептически.

"Как ни странно, да". ответил Дамблдор.

Гарри насмешливо хмыкнул.

"Говорят, что первый поцелуй - особенный. Никогда не думал, что мой будет достаточно особенным, чтобы разорвать связь с Волдемортом".

На довольно мрачную шутку Дамблдор на мгновение уставился на Гарри, а затем улыбнулся, перешедшей в смех.

Гарри засмеялся вместе со своей шуткой, испытывая облегчение от того, что ему удалось предотвратить попытку Дамблдора проникнуть в его разум.

Ни для кого из них это не закончилось бы хорошо.

"Шутка в плохом вкусе", - Дамблдор прочистил горло, сдерживая свою шутливую реакцию, - "Но то, что было необходимо, чтобы разбить эту удушающую напряженность".

Гарри только кивнул, сохраняя ухмылку на лице.

"Если ты позволишь, Гарри, - спросил Дамблдор, - как продвигается твое обучение Окклюменции?"

"Очень хорошо", - Гарри улыбнулся, давая понять, что теперь он чувствует облегчение от легкомысленности разговора, - "Сириус сказал, что это займет время, но все шаги кажутся легкими, почти как будто мой разум хочет, чтобы его защищали".

Гарри слышал о природных Окклюменах, дух Дамблдора говорил об этом в будущем. Это было самое правдоподобное, что он мог предложить, не включающее слова "путешествие во времени", "смерть" и "мастер смерти".

Дамблдор с восторгом смотрел на Гарри, его поведение полностью изменилось по сравнению с тем, когда он только вошел. "Ты такой же, как твои родители, Гарри. Я знаю, что ты часто слышишь это, но в тебе есть лучшее от Лили и Джеймса. Доброта твоей матери и уверенность отца. Твоя мотивация защищать своих друзей далеко продвинет тебя в этом мире. Мотивация, которая была у меня в твоем возрасте, помогла мне стать тем, кем я являюсь сейчас".

Дамблдор поднялся со стула, его колени слегка подкашивались.

"Никогда не стареешь, Гарри", - усмехнулся Дамблдор, скрывая, что поморщился от шума, - "Это просто ужасно".

"И ты не замечаешь, как весело ругать "безрассудных хлыщей" за глупые поступки?" Гарри рассмеялся.

Дамблдор лишь усмехнулся над тем, что сказал Гарри.

"Что-то вроде этого". Дамблдор улыбнулся, прежде чем собраться уходить.

"Мне нужно идти. Из-за суда все изменилось, и мне нужно все спланировать, не считая подготовки к новому учебному году".

Прежде чем открыть дверь, чтобы уйти, Дамблдор повернулся к Гарри.

"Ты даже не представляешь, какое бремя это сняло с моих плеч, Гарри", - тихо прошептал Дамблдор, на его лице появилось выражение нескрываемого облегчения, - "Не представляю".

Дверь со стоном открылась, и Дамблдор вышел из комнаты, направляясь к входной двери дома.

Как только Гарри услышал, что дверь закрылась, он бросил Окклюменцию и сделал глубокий вдох, пытаясь успокоить шквал мыслей, проносящихся в его голове.

Весь этот разговор он чувствовал себя так, словно ступал по минному полю, стараясь не выдать подозрений, которые заставили бы Дамблдора отбросить приличия и попытаться порыться в его сознании, чтобы выяснить, действительно ли он Гарри Поттер.

Однако, казалось, все обошлось. Дамблдор не стал бы подозревать, когда его оценки улучшились бы, его настроение изменилось бы в приоритетах, или его общие навыки в будущем.

В течение следующего часа или около того он сосредоточится на том, чтобы не дать своим эмоциям "выветриться", прежде чем он наступит ранняя ночь и проспится от умственной усталости, он планировал усердно работать в течение следующих нескольких недель до начала занятий.

Гарри лег на кровать и позволил своим мыслям улетучиться, расслабляясь в тихом спокойствии.

С помощью Фоукса Дамблдор вернулся в Хогвартс и сел за свой стол.

Он сделал глубокий вдох и расслабил Окклюменцию, которую использовал в течение дня, после чего выдохнул воздух со всхлипом.

Он позволил всему страху, гневу, насмешкам над собой и, наконец, облегчению по поводу всего, что произошло сегодня, вылиться из него, когда он плакал.

В тот момент, когда он спросил, с кем он говорит - с Гарри или Томом, - он решил, что решит проблему смертельным способом, убив клона Волдеморта.

Когда Гарри заговорил с ним, он почувствовал облегчение и слабость в коленях, а ужас, который он испытывал, растаял, как зимний снег с приходом весны.

Из ужасного происшествия произошло почти чудо. В итоге крестраж был высосан дементором, освободив Гарри от паразита, которым был осколок души Волдеморта.

Дамблдор считал возможным, если не вероятным, что Гарри был прирожденным Окклюменсом, а крестраж, возможно, мешал его разуму сформировать щиты, которые они могли бы создать при нормальных обстоятельствах.

С закрытым окном в сознание Гарри, его магией, полностью свободной, и огнем, зажженным в решимости Гарри, Дамблдор увидел возможность превратить Гарри в волшебника, которого Волдеморт будет бояться даже больше, чем самого себя.

"Ни один из них не может жить, пока выживает другой". сказал себе Дамблдор, успокоившись.

Теперь у Гарри была политическая власть, сырая сила и сила воли, чтобы превратиться из компетентного волшебника в великого.

Дамблдор начал строить планы, которые будут зависеть от того, как пройдут следующие несколько месяцев.

Если Гарри сохранит эту мотивацию и покажет значительный прогресс в своих занятиях, он не будет беспокоиться о его личном обучении в некоторых областях магии, а крестраж больше не будет служить средством для слежки за ним.

Фоукс ласково заурчал и запрыгнул на его стол, потершись головой о плечо старика.

"Этот день, казалось, становился только хуже, друг мой, - ласково прошептал Дамблдор, положив руку на голову волшебной птицы и поглаживая ее, - но в конце концов все встало на свои места".

Он знал, что впереди темные времена, времена, которые испытают души людей. Но сегодняшний день, даже если он будет последним, был показан с безжалостным блеском, который изгнал холодный лед из его старых костей.

Появилась искра надежды, в которой он отчаянно нуждался, и она наполнила его силой, необходимой ему, чтобы в последний раз возглавить борьбу против Темного Лорда.

Более ста лет он ходил по свету, но после всего пережитого все еще оставался на ногах.

И он совсем не собирался умирать в ближайшее время.

http://tl.rulate.ru/book/92313/2975532